

Первое американское интервью Владимира Набокова

В.В.СИРИН-НАБОКОВ В НЬЮ-ЙОРКЕ ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ «СВОИМ»

Работает сразу над двумя книгами — английской и русской

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ Сирин-Набоков — один из двух русских писателей, живших в Париже исключительно на доходы от своих литературных трудов.

«Другим таким писателем был Алданов, — рассказывает Вл. Вл. — Кроме своей литературной работы, зарабатывавший еще сотрудничеством в «Последних новостях», главный литературный доход, конечно, приходил от переводных произведений, так как книги на русском языке расходились довольно слабо».

Вл. Владимирович — сравнительно молодой писатель, начавший свою литературную деятельность уже в эмиграции. Он скромно умалчивает о своих стихах, которые считает «юношескими увлечениями» и небрежно говорит: «Да, у меня есть две книжки стихов, но о них упоминать не стоит».

Автор этих строк впервые увидел имя Сирина 18—19 лет назад под прекрасным стихотворением, напечатанным в одной русской газете в Харбине и начинавшимся словами «На мызу, милые». С тех пор утекло много воды, строчки стихотворения позабылись, но живет еще то грустно-лирическое чувство, навеянное стихами, где в красивых образах рассказывалась мечта о возвращении в Россию. По-видимому, за такой длинный срок эта мечта приняла уже какие-то другие, совсем нелирические формы.

НЬЮ-ЙОРК ТИШЕ И МЕДЛИТЕЛЬНЕЕ ПАРИЖА

Влад. Владимирович приехал в Нью-Йорк из Парижа очень недавно, и его впечатлениям о Нью-Йорке являются большим контрастом впечатления многих других русских, приезжающих из Европы, и особенно из Парижа.

«Нью-Йорк по красоте я ставлю не на последнее место, — говорит он, — если не на второе. Что меня больше всего поражает и радует здесь, это — тишина, стройность и соразмерность. По моему мнению, здесь никакой «спешки» нет и жизнь идет медленнее, чем в Париже. Конечно, по сравнению с Парижем здесь люди живут удобнее. На улицах царит удивительная тишина, которую я объясняю одинаковостью звуков. В Европе звуки очень разнообразные и поэтому значительно шумливей».

Вл. Вл. поражает свойство нью-йоркского дневного света: «Здесь удивительно выделяются краски и совершенно другой тон электрического света. Я не знаю, почему это, но мне здесь все напоминает раскрашенную фотографию».

Здесь Вл. Вл. «очарован» главным образом «свободой в движениях», в разговорах, замечательно простым и добрым отношением.

«Уже на паромной пристани меня поразили таможенные чиновники, — говорит Вл. Вл. — Когда они раскрыли мой чемодан и увидели две пары боксерских перчаток, два чиновника надели их и стали боксировать. Третий чиновник заинтересовался моей коллекцией бабочек и даже порекомендовал один тип назвать «капитаном». Когда бокс и разговор о бабочках закончились, чиновники предложили мне закрыть чемодан и ехать. Разве это не показывает на простоту и добродушие американцев?»

ЗА 14 ЛЕТ — 11 КНИГ

Вл. Вл. — сын б. члена Государственной Думы В.Д. Набокова, одного из редакторов газеты «Речь», потом управляющего делами Времен-

Пароход «Шамплэн» был одним из последних французских пароходов, который успел отойти от причала Сен-Назер до немецкой оккупации. Его зафрахтовала Организация по эмиграции евреев. Люди бежали в Америку, и желающих попасть на «Шамплэн» было много. Получить каюту Владимиру Набокову с семьей помогли прежде всего в знак уважения к его отцу — евреи помнили о резких выступлениях Владимира Дмитриевича Набокова против погромов.

28 мая 1940 года «Шамплэн» вошел в нью-йоркский порт — так начался «американский период» жизни писателя. Первое американское интервью взял у него журналист Николай Алл; оно было напечатано в эмигрантской газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк) 23 июня 1940 года.

Набоков-Американец.

ного правительства, затем министра юстиции у Деникина и в эмиграции одного из редакторов «Руля» (другим был Гессен). В 1922 г., как раз в тот год, когда Вл.Вл. окончил курс Кембриджского университета в Англии, его отец трагически погиб от пули Таборицкого, предназначавшейся Милюкову.

С 1922 по 1936 г. Вл. Вл. прожил в Берлине, но, «представьте себе, я совершенно не говорю по-немецки, потому что не любил немцев до Гитлера и после Гитлера. Только три года Вл. Вл. прожил в Париже. Началась его литературная деятельность выпуском первого романа «Машенька» (переведен на немецкий язык). За первой книгой вышла целая серия других: в 1927 г. — «Король, дама, валет», заслужившая большую популярность на немецком языке, в 1928 г. — сборник рассказов «Возвращение Чорба», в 1929 г. — «Защита Лужина», в 1930 г. — «Подвиг», в 1931 г. — «Камера-обскура», в 1933 г. — «Отчаяние», в 1936 г. — «Приглашение на казнь», в 1937 г. — сборник рассказов «Соглядайте». Роман «Дар» в течение двух лет печатался в «Современных записках», и «Солжус Рекс» (Одинокий король) только начался в этом журнале, прекратившемся из-за войны. Роман «Камера-обскура» издан в Америке на английском языке под названием «Laughter in the dark» (Bobbs-Merrill) и под именем В. Набокова.

Многие книги Вл. Вл. переведены на французский, немецкий, английский, чешский и финский языки. Сейчас он работает на английском языке над уголовным романом, а по-русски заканчивает «Солжус Рекс».

ПАРИЖСКИЙ ДОМ РАЗРУШЕН БОМБОЙ: ВМЕСТО ПОДЛОДКИ — КИТ

В.В. Сирин начал собираться в Америку два года тому назад, вначале делал это с прохладцей, но когда «стукнула» война, он поторопился и выехал вовремя.

«Несколько дней назад, — говорит Вл. Вл., — я получил письмо от знакомых из Парижа, в котором они пишут, что в тот дом, где я жил с женой и сыном перед отъездом, попала бомба с немецкого аэроплана и совершенно разрушила его. Но ехали мы без приключений, не считая небольшой паники, поднявшейся на «Шамплейне» при виде над поверхностью океана какой-то странной струи пара. У многих шевельнулась страшная мысль — «подводная лодка», но, к общей радости, это был только кит».

«Другим русским выезд из Франции был очень труден, да и я вряд ли выехал бы без помощи любезной гр. А.Л. Толстой. Самое большое затруднение — с получением визы. Но, ес-

ли виза получена, французы выпускают без всяких задержек. Мне они сказали даже: «Хорошо делаете, что уезжаете».

ЗАКОНЧИЛСЯ ПЕРИОД РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ

«Стремления у русских выезжать из Парижа не было. Вероятно, частью из любви к этому городу, частью из привычки и частью из характерного русского фатализма — что будет, то будет».

«Русские писатели в Париже сильно бедствовали. Незадолго перед отъездом в доме Керенского я встретил Бунина и Мережковских. Бунин еще имеет некоторые средства, но Мережковские живут в большой нужде, как и почти все остальные русские эмигранты. Единственные возможности какого-то заработка — вечера, газеты и журналы с войной прекратились. А что происходит теперь — трудно предположить».

«Мне кажется, что с разгромом Франции закончился какой-то период русской эмиграции. Теперь жизнь ее примет какие-то совершенно новые формы. Лучшим моментом жизни этой эмиграции нужно считать период 1925—1927 гг. Но перед войной тоже было неплохо. Редактор «Современных записок» Руднев говорил мне, что у него есть деньги для выпуска двух номеров. А это что-нибудь да значит. Но теперь уже ничего нет».

Вл. Вл. в Нью-Йорке сразу почувствовал себя «своим». «Все-таки здесь нужно научиться жить, — говорит он. — Я как-то зашел в автоматический ресторан, чтобы выпить стакан холодного шоколада. Всунул пятак, повернул ручку и вижу, что шоколад летит прямо на пол. По своей рассеянности я забыл подставить под кран стакан. Так вот, здесь нужно научиться подставлять стакан».

«Как-то я зашел к парикмахеру, который после нескольких слов со мной сказал: «Сразу видно, что вы англичанин, только что приехали в Америку и работаете в газетах». «Почему вы сделали такое заключение?» — спросил я, удивленный его проницательностью. «Потому что выговор у вас английский, что вы еще не успели сносить европейских ботинок и потому что у вас большой лоб и характерная для газетных работников голова».

«Вы просто Шерлок Холмс», — похвалил я парикмахера.

«А кто такой Шерлок Холмс?»

Публикация Рашида ЯНГИРОВА

